

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

В «ОСЕТИНСКОЙ ГРАММАТИКЕ» А.М. ШЕГРЕНА

И.Н. ЦАЛЛАГОВА

Интерес к изучению осетинского языка и его диалектов проявляли многие русские и западноевропейские ученые. Первым, кто отметил в осетинском языке два диалекта — иронский и дигорский, был еще Иоганн Антон Гюльденштедт, который в период с 10 февраля по 4 октября 1771 г. посетил различные районы Северной и Южной Осетии. В ходе своей поездки он собрал большой материал по иронскому и дигорскому диалектам, который был включен им в «Сравнительные словари всех языков и наречий мира, собранные десницею всевысочайшей особы», затем в «Афгано-осетино-дугурский глоссарий» [1, 300]. При этом, видимо, он считал, что имеет дело с двумя разными языками, поскольку в данных словарях, наряду с осетинским языком представлен и дигорский язык [2, 128].

Первым исследователем, указавшим на наличие диалектов в осетинском языке, был Юлиус Клапрот, выделивший иронский и дигорский вид речи. Его двухтомное сочинение «Путешествие на Кавказ и в Грузию», вышедшее в 1812 г. в Гелле-Берлине (на немецком языке) в приложении ко второму тому содержит специальный раздел «Опыт осетинской грамматики» (с. 186-197), который является первой попыткой составить осетинскую грамматику. Раздел этот представляет собой краткий справочник о склонении и спряжении осетинских имен и глаголов.

Подлинная осетинская диалектология, как и научное изучение осетинского языка вообще, начинается с эпохального труда основоположника осетино-

ведения академика Андреаса Йохана Шегрена. В нем детальнейшим образом описывается строй двух основных диалектов: иронского, который он называл тагаурским, и дигорского. «Два главных наречия осетинского языка, Тагаурское и Дигорское, составляют тот предмет, который я постараюсь, сколько возможно подробнее изложить в своей Грамматике», — пишет Шегрен. Наряду с этими двумя диалектами исследователь отмечает и южноосетинский, с которым он познакомился только по опубликованным Иваном Ялгузидзе текстам на грузинском алфавите [3, 17].

Как известно, в изданных до Шегрена осетинских книгах были использованы церковно-славянская и грузинская азбуки. Церковно-славянским алфавитом напечатан изданный в 1798 г. осетинский перевод архимандрита Гая книги «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания» [4]. Грузинский алфавит использовал Ялгузидзе в букваре, переводах утренних и вечерних молитв, Катехизисе с кратким нравоучением, Литургии, описании обрядов крещения, венчания и погребения [5; 6]. Шегрен создал для осетинского языка новый алфавит на основании русской азбуки. Он аргументирует свой выбор следующим: «Соображая как будущую судьбу самих осетинов, так и предпочтительную склонность тех из них к русскому письму, которые знали то и другое, я решился в надежде на вернейший и лучший успех принять за основание русский алфавит, несмотря на то, что грузинский кроме общего внутреннего

достоинства несравненно способнее к выражению звуков осетинскому языку свойственных...» [3, 17] Кроме этого, свой выбор он оправдывал тем, что русский алфавит, особенно в части выражения согласных звуков, превосходит все известные европейские языки. Потому что «он имеет для всех Русскому языку свойственных звуков простые, точные, и во всех случаях постоянные знаки, тогда как другие Европейцы выражают один и тот же звук многими и не всегда одинаковыми буквами, напр. Русскую *ч* Англичане *ch*, Французы *tch*, Немцы *tsch*...» [3].

Предложенный Шегреном алфавит состоял из 47 букв, хотя, как отмечал сам Шегрен, ни в одном наречии не встречаются все 47 букв. Поскольку Шегрен изначально старался применить для осетинского языка такой алфавит, в котором каждому звуку соответствовала бы отдельная буква, то понятия «буква» и «звук» в его описании синонимичны [7, 29].

По мнению Д.Г. Бекоева, в «данном алфавите нашли свои обозначения все звуки, в том числе и специфические для осетинского языка. Несмотря на это, все же в его записи многие слова часто страдают ошибками, состоящими в неточной передаче «специфических звуков осетинского языка. Вследствие этого по иронским, в частности, словам Шегрена сделать достоверные выводы не всегда представляется возможным» [8, 78]. Это касается и дигорской лексики. Например: *ушме* (усмæ) — мгновение; *каште* (хъæстæ) — желудок, брюхо; *мæна дзорун* (мæнгæ дзорун) — обманывать; *унак* (унгæк) — узкий; *талинаэ* (талингæ) — темнота; *фæндæуон* (фæндон) — твоя воля; *аууондун* (æууæндун) — доверие (здесь осетинский глагол *æууæндун* «верить» переведен посредством русского суще-

ствительного «доверие», хотя в осетинском языке мы имеем имя существительное с соответствующим значением — *æууæнк*); *æзмиессæ* (æзменсæ) — песок; *алехуззон* (аллихузон) — всякий, разный; *аликорие* (аликъуæре) — еженедельно; *аниесуј* (æнгъезуй) — можно; *бауогедæн* (бауæгæдæн) — скучаю, соскучить меня (более точно — устал. — *И.Ц.*); *башигин* (бæзгин) — толстый, толстяк (более употребительные сейчас в том же значении слова *ставд*, *нард*, в словаре не представлены. — *И.Ц.*) и т.д.

По этому поводу В.Ф. Миллер писал: «Непривычное ухо иностранца не всегда уловит отличие [æ] от [a]. Например, Шегрен пишет: бах (конь), аз (я), но в текстах, записанных осетинами (Чонкадзе, Цораевым, Кокоевым, Туккаевым) в этих словах является [æ]». В отношении того, что у Шегрена вместо [æ] часто пишется [e], Миллер говорит: «Мы тщательно проверили все слова, в которых Шегрен пишет это [e], и убедились, что во всех этих случаях звучит [æ]» [9, 5].

Обращает на себя внимание так же нечеткое представление полугласной [y]. Следует отметить, что в современной осетинской графике эта буква означает и полугласный и гласный. Одни и те же лексемы в словаре Шегрена, как иронские так и дигорские, имеют различное написание. Например: *валдзæг* / *валдзæг*, *варзон* / *варзон*, *вадзун* / *вадзун*, *варун* / *варун*, *гъæвагаэ* / *гъæвагаэ* и т.д. Мы встречаемся также с разным обозначением некоторых согласных звуков: например: *бабус* / *бабуз*, *гъаз* / *хъаз*, *хъæдзоз* / *кæдзос*, *дзохъа* / *цохъа* и т.д.

Книга Шегрена интересна во многих отношениях, в том числе как памятник осетинского языка первой половины XIX в. В настоящее время очень актуальными являются вопросы исследова-

ния лексического фонда осетинского языка, его диалектов и говоров. Встают вопросы ее сохранения и изменения в соответствии с динамическими тенденциями в языке. От решения этих вопросов зависит объективность выводов относительно развития осетинского слова, так как очень часто те изменения, которые диалектологи склонны считать особенностью того или иного говора, могут быть рассмотрены как сохранение более древнего состояния формальной или семантической стороны слова [10].

В осетинской грамматике и словарях Шегрена есть много новообразований, созданных путем калькирования иноязычных терминов. По мнению Т.А. Гуриева, «в этом смысле роль А.М. Шегрена можно было бы сравнить с ролью Ломоносова, который стоял у истоков русской лингвистической терминологии» [11, 25]. Некоторая часть этих терминов укрепились в осетинском языке, другая часть послужила в дальнейшем основой для усовершенствования осетинской лингвистической терминологии.

Терминами, которые прочно укрепились в осетинском языке, являются например: *хауæнтæ* — падежи, *тасындзæг кæнын* — склонять.

Более неудачными терминами оказались: *фыст хахх* — буква, *раст фыссын* — правописание, орфоэпия, *æмаæвæрдтæ* — слоги, *нывахуыр* — учение о формах, *дзурыны хæйттæ* — части речи и т. д.

Одним из наиболее продуктивных словообразовательных элементов оказалось слово *хъæр* «звук», «крик». Об этом говорит целый ряд терминов: учение о звуках — Т. *хъæрахур*, Д. *гъæрахур* (сложное от *хъæр* / *гъæр* — звук и *ахуыр* / *ахур* — учеба); *хъæрджынтæ* «гласные», *æрдæгхъæрджынтæ* «полу-

гласные», *дыууæхъæрджынтæ* «двугласные» или «трифтонги».

Следует отметить, что термин *хъæрахуыр* не укрепился, но по этой модели возникли такие термины, как *æвзагахуыр* «языкознание», *æфсæддонахуыр* «военная учеба» и т. д. Случаев такого же характера, т. е. когда первоначальное образование само не сохранилось, но возникшие по его образцу термины оказались более активными и жизнеспособными, обнаруживается достаточно много [12].

Сведения Шегрена являются исторически достоверными, так как они фиксируют состояние осетинской лексики начала XIX века и позволяют нам лучше понять особенности ее развития. В своей работе он так же пытается объяснить происхождение и образование некоторых слов. Однако в них отмечаются некоторые неточности, например:

Слово **боз** Тагаурское переводится как цепь. Далее он пишет, что «от того дигорское слово *боздæн* — благодарю, буквально означает: цепь есмь, т. е. в цепи нахожусь или как в русском языке говорится, я обязан — *хуцауæй боздæн!* Я благодарен Богу!» [3, 40]. Следует отметить, что дигорское слово *боз* не имеет никакого отношения к слову цепь, а имеет довольно прозрачную этимологию в словаре В.И. Абаева: Полная форма *buzn* | *bozn* возводится к иранскому *bauzna-*, соответствует авестийскому *baosnah-*, согдийскому *Buzn*. Отбросив суффиксальное — *na*, получаем основу *bauz-*, которая по форме и семантике безупречно корреспондирует др. инд. *bhuj-* в его активном значении: «оказывать услугу кому-либо», «доставлять удовольствие», «улаживать», отсюда — благодарить [13]. В иронском диалекте мы имеем к тому же форму *буз* / *бузныг*. Возможно, автор имел ввиду общую для обоих диалектов лексему *бос*, которая

означает как раз «перевязь», «привязь», *сæрбос* — перевязь на рогах, *сахаты бос* — цепочка для часов.

Отдельные слова, приводимые Шегреном, трудно идентифицируются со словами современного осетинского языка, или же они перешли в разряд малоупотребительной архаической лексики. Это такие слова, как например: *нам* — слух, репутация, *æнар* — товарищ, *масундзæг* — кулак, *æнккæт* — все, *хæйре* — польза, *тæукел* — поощрение, употребляемое для одобрения при опасностях и т.д.

Нами отмечены так же некоторые формы слов, которые сейчас уже не употребительны: *сæркеј* — сверху, *лæгадæ* — человечество, *мойнаæ* — муж, *изæрхун* — забавляться, *тæтун* — давать, *биеураæ* — много и т.д.

По поводу дигорского наречия *биеураæ*, хочется отметить, что в словаре даны несколько форм этого слова. Более того оно использовано в качестве лингвистического термина в грамматике Шегрена: *биеурij нимад* (множественное число), *биеураæдагъ* — многократный, многосложный.

Упоминание этой формы мы находим так же в работе А.Дз. Цагаевой, посвященной описанию некоторых особенностей озрекского говора. Как одну из особенностей данного говора она отметила использование в нем «более архаичной формы слова *берæ* — *беураæ* [14]. Однако в словаре Шегрена мы находим только эту форму. Это может говорить о том, что на тот момент она

была наиболее распространенной.

Абаев дает три варианта этого слова — это иронское *бирæ* и дигорские *берæ* и *беураæ*. По его мнению, слово восходит к иранскому *baivar*. Староиронской формой он называет *биураæ*. Он отмечает, что в современном иронском произошло закономерное выпадение звука *w* [13]. Как мы видим, в дигорском он сохранился дольше, по крайней мере, мы имеем фиксацию начала XIX в. и фиксацию уже как архаического явления у Цагаевой середины XX в. (1959) [14]. По данным наших полевых исследований, на сегодняшний день в основном используется форма *берæ*.

«Осетинская грамматика», составленная Шегреном, безусловно, обстоятельный и основательный труд, заложивший основы для научного изучения осетинского языка. В работе Шегрена впервые дано систематическое описание звуков и строя осетинского языка по двум его диалектам или, как принято их сейчас называть, двум вариантам осетинского языка. Благодаря этому труду ученые всего мира смогли познакомиться со строем и особенностями осетинского языка и определить его место среди других языков. Однако при использовании представленного Шегреном лексического материала в диалектологических исследованиях мы сталкиваемся с рядом трудностей, которые в основном связаны с неточностью передачи тех или иных звуков, крайне важных при диалектологических исследованиях.

1. Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
2. Сикоев Р.Р. Первые сведения об осетинском языке // Известия СОНИИ. 1962. Т. 23. Вып. 1. С. 128.
3. Шегрен А. Осетинская грамматика. СПб. 1844. X.
4. Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания. М., 1978.

5. Ялгузидзе И. Утренние молитвы, вечерние молитвы, катехизис, или краткий очерк христианского учения, краткий очерк этики и малый молитвенник. Тифлис, 1820.
6. Ялгузидзе И. Осетинская азбука. Тифлис, 1820.
7. Дзахова В.Т. Фонетическая характеристика фонологической системы современного осетинского (иронского) литературного языка. Владикавказ, 2009.
8. Бекоев Д.Г. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвал, 1984.
9. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Ч. II.
10. Цаллагова И.Н. Устаревшая лексика в говорах дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/113-10888> (дата обращения: 25.11.2013).
11. Гуриев Т.А. Лексикографическая деятельность А.М. Шегрена // Тезисы докладов на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А.М. Шегрена. Владикавказ, 1994. С. 23-26.
12. Габараев Н.Л. История становления осетинской лингвистической терминологии. Цхинвал, 2011.
13. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958-1995. Т. 1-5.
14. Цагаева А.Дз. Некоторые особенности озрекского говора // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1959. Т. 21. Вып. 4. (Отдельный оттиск.)